

Елена
ЛОГУНОВА
КРУГОВОРОТ
ПАРНЕЙ
В ПРИРОДЕ

НОВАЯ
ЗВЕЗДА
ИРОНИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ИРОНИКА

Елена Ивановна Логунова
Круговорот парней в природе
Серия «Тяпа Иванова», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181416
Круговорот парней в природе: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30585-8*

Аннотация

И принесло же делегацию японцев в Россию зимой! Из-за снегопада автобус интуристов застрял в горах, и пришлось сопровождающей группу Тане устраивать их в захолустной гостинице. Все бы ничего, но один из японцев вдруг чудесным образом нашелся в городе, откуда они уехали! Таня всю голову сломала – неужели какой-то самурай раздвоился? Тут подоспели новости о том, что ограблен ювелирный магазин, и подозревается в преступлении бандит-азиат по прозвищу Чукча. Так это он маскируется под добропорядочного японца? Значит, и похищенные драгоценности где-то рядом?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Логунова

Круговорот парней в природе

Глава 1

Морозный февральский денек был просто создан для ограбления!

Утром термометр показывал минус восемь – по меркам южного города это был лютый холод. Охранник ювелирного магазина «Золотой дворец», в хорошую погоду имеющий обыкновение торчать у входа и пялиться сквозь витринное стекло на короткие юбки гуляющих по улице девчонок, переместился в глубь торгового зала, поближе к обогревателю, который продавщицы, не по погоде одетые в форменные брючки и рубашечки из тонкой ткани, установили за прилавком. В тепле охранника слегка разморило, и он даже не шевельнулся, когда из глубины магазина один за другим вышли двое мужчин в добротных шерстяных пальто. Первый из них, более молодой и крепкий, на ходу иронично покосился на разомлевшего охранника и пошутил:

– Не спи, замерзнешь!

– Сам не спи! – лениво огрызнулся тот, не меняя расслаб-

ленной позы.

На вверенной ему территории все было в полном порядке. Три девочки-продавщицы дисциплинированно стояли на местах, каждая на своей стороне протяженного П-образного прилавка. Кассирша скучала в кабинке, читая конспиративно спрятанный под столом любовный роман и время от времени выжидательно поглядывая на единственного потенциального клиента. Рослый юнец в теплой спортивной куртке и смешных клетчатых штанах, перекладывая из одной руки в другую потрепанный тубус для чертежей и пряча прыщавый подбородок в витках длинного вязаного шарфа, сосредоточенно рассматривал витрину с простенькими золотыми подвесками. Это были самые дешевые украшения в магазине, да и по внешнему виду клиента опытные продавщицы вмиг определили, что он не тянет на наследного принца. Юноша уже с полчаса гипнотизировал вождедеющим взглядом микроскопического золотого слоника, но тот до сих пор не ответил ему взаимностью, и как-то непохоже было, что счастливое обретение декоративного хоботного все-таки состоится.

Двое в пальто гуськом прошли через торговый зал. На выходе тот, который шел первым, придержал тяжелую дверь, пропуская на крыльцо своего спутника. У него в левой руке был чемоданчик, небольшой, но увесистый: это было заметно по тому, что мужчина слегка кренился на левый бок. Следом за этими двумя из магазина вышел и юнец, видимо, окончательно потерявший желание стать обладателем юве-

лирного украшения.

Двое в пальто едва успели сойти с крыльца, направляясь к «Пежо», припаркованному у магазина, когда полугрузовой «бычок», торчавший чуть впереди, у салона модной одежды, внезапно дал задний ход и со всего маху впечатался в передний бампер иномарки. При этом из кузова «бычка» на капот «Пежо» посыпались картонные коробки. Мужчина с чемоданчиком возмущенно вскрикнул, его более молодой спутник выматерился и быстро сунул руку за борт своего пальто. В следующий миг юнец в клетчатых штанах с размаху ударил его по затылку бейсбольной битой, выдернутой из чертежного тубуса. Девочки за бронированным стеклом ювелирного салона дружно завизжали, охранник вскочил со стула и устремился к выходу, на бегу цапая рукой кобуру. Юнец, как штыком, саданул второго мужчину битой в живот, подхватил падающий чемоданчик и запрыгнул в кузов «бычка», совершенно скрывшись за грудой коробок. Машина рванула с места и с визгом, кренясь набок и рассыпая по дороге гофротару, скрылась за углом.

Охранник, выскочивший из магазина с пистолетом наголо, увидел только разбросанные коробки. Кувыркаясь, одна из них весело проскакала по дороге и замерла напротив крыльца.

– Живой? – бессмысленно взмахнув пистолетом, срывающимся голосом спросил охранник мужчину без чемоданчика.

Тот скорчился на тротуаре, держась руками за живот и плаксиво ругаясь.

– Га-ады... Вот гады! – сдавленно повторял он.

Второй мужчина лежал без движения и не говорил ничего. Под его головой на заиндевевшем асфальте все шире расплывалось алое пятно, а на ворсинки шерстяного пальто одна за другой нанизывались красивые крупные снежинки.

Было позднее утро традиционно тяжелого дня – понедельника, – десять часов тридцать две минуты.

Глава 2

Как обычно, трапезничать мы начали задолго до официального обеденного перерыва.

Я опять не успела позавтракать дома, потому что безответственно проспала сигнал будильника и едва не опоздала на работу, чего делать было никак нельзя: у нас на входе стоит автоматическая система контроля прибытия-убытия, и за такое грубое нарушение трудовой дисциплины, как опоздание к началу рабочего дня, суровое начальство карает подчиненных лишением квартальной премии. Так что альтернатива у меня была простая: либо я в спешке пропускаю единственный завтрак, либо опаздываю на работу, лишаюсь премии и из-за нехватки средств потом вынужденно голодаю три месяца кряду.

Танечка наша вообще с утра ничего не ест, она толком просыпается уже за офисным столом только после того, как на полном автопилоте польет любимую гортензию, накрастит глазки и примет первый телефонный звонок. А вот Татьяна Петровна, будучи дамой в высшей степени рассудительной и основательной, вкушает утренний чай-кофе с булочкой и дома, и на работе. По ее мнению, никогда нельзя упускать возможность подкрепить свои силы, дабы всегда было, что положить на алтарь государственной службы.

В общем, мы прервали захватывающий процесс служения

Отечеству, чтобы выпить чайку с чем бог послал, а послал он нам свежие пирожные из бара администрации и экзотические фрукты из закровов запасливой Татьяны Петровны.

– Три Татьяны под окном пили кофе утречком! – в подражание Пушкину коряво срифмовала наша завсекша.

У нас в кабинете три Татьяны. Я не уверена, что это случайное совпадение. Подозреваю, что так удобно нашему шефу: не нужно напрягать память, заучивая лишние имена. Опять же, звонит он нам в кабинет на любой аппарат, властно вопрошает: «Татьяна?» – и стопроцентно угадывает. Приятно, наверное, никогда не ошибаться, сознание собственной непогрешимости греет душу любому человеку, тем более – большому начальнику.

Разлив по чашкам кипяток, наша любознательная завсекша включила радио, чтобы совместить приятное с полезным – завтрак с политинформацией.

– ...ршено дерзкое ограбление! – с полуслова завелся приемник. – Час назад на центральной улице города преступник с бейсбольной битой напал на представителей местной ювелирной компании. Это случилось прямо у входа в магазин, принадлежащий фирме, когда двое ее сотрудников выходили, неся с собой дипломат с пятью килограммами готовых ювелирных украшений. Преступник одного за другим ударил мужчин битой, отобрал дипломат и скрылся с ним в неизвестном направлении.

– Не слабо! – присвистнула я.

– Пять килограммов золота! – мечтательно протянула Танечка. – Интересно, это сколько?

– Вот такой слиток! – авторитетно сказала всезнающая Татьяна Петровна и показала нам крупный грейпфрут.

Мы с Танечкой уважительно затихли, созерцая золотистый шар размером с гандбольный мяч.

– Где они?!

Дверные створки распахнулись, пропуская в кабинет холодный воздух, громкий крик и взлохмаченного Лешку. Первым несся крик:

– Где японцы?!

Боязливая Танечка подавилась пирожным и закашлялась, я замерла, не донеся до рта эклер. А наша завсекша, не переставая размеренно вращать ложечку в китайской чашке с драконом, поразительно похожим на начальника соседнего департамента, с обычной для нее невозмутимостью и отменной любезностью ответила:

– Японцы? В Японии, я полагаю.

– Да? А это вы видели?!

Лешка затормозил у стола Татьяны Петровны, с размаху сунул руки в брюки и зашерудил ими там с пугающим энтузиазмом. Я напрочь забыла про эклер и даже привстала, изумленно тараща глаза. Худосочный и бледный, как первый подснежник, наш Алекс никогда раньше не казался мне знойным мачо. Теперь я вдруг поняла, что недооценивала Лешкин темперамент, и страстно возжелала увидеть, что

именно он собирается извлечь из широких штанин и продемонстрировать Татьяне Петровне. Кстати, интересно было узнать, сохранит ли она в ходе этой демонстрации непоколебли... тьфу, непоколебимое спокойствие и добродушие.

Увы, Леша опять меня разочаровал. Сначала он многообещающе вспучил брюки, а потом вытянул из кармана самый обыкновенный мобильник. Ну, положим, не самый обыкновенный, а весьма навороченный, но все равно, ничего экстраординарного. Лешка раздраженно шваркнул аппарат на стол перед завсекшей и повторил:

– Вы это видели?

– Конечно, видела, и неоднократно, – с достоинством ответствовала Татьяна Петровна, откладывая в сторону ложечку и вплотную принимаясь за чай.

Она не обманывала, Лешкин сотовый по сто десять раз на дню видели все сотрудники нашего департамента. Прикупив новый дорогой коммуникатор, Алекс не упускал ни единой возможности продемонстрировать свое ценное приобретение коллегам.

– Вы письмо получили? – не отставал от завсекши Лешка.

– Какой номер? – встрепенулась Танечка.

Она у нас уже второй месяц ведаёт почтой и при слове «письмо» машинально тянется к богатой коллекции деловой переписки, собранной в толстокожей папке, которая цветом, размером и весом напоминает небольшую надгробную плиту из серого гранита.

– Плюс семь восемьсот шестьдесят один двести сорок два двадцать два тридцать, – скороговоркой пробормотал Лешка.

– Что-то не вижу, – огорченно сказала Танечка, судорожно перелистывая страницы почтового талмуда. – Это входящий номер письма или исходящий?

– Это номер моего мобильного! – рявкнул Лешка, в тысяча первый раз продемонстрировав свой дорогой телефон. – Я спрашиваю, вы получали эсэмэску от МЧС? Теперь они рассылают сообщения на мобильники.

– Ты говоришь про утреннее предупреждение об усилении ветра? – до меня дошло, о каком письме толкует взволнованный коллега, правда, я не поняла, чего ради он так распереживался. – Точно, было такое письмо. «Чрезвычайники» обещали шквальный ветер порывами до двадцати пяти метров в секунду.

– Не обманули, – удовлетворенно молвила Татьяна Петровна и кивком указала на окно.

Мимо него со скоростью, вполне сопоставимой с означенной, пролетел надутый ветром полиэтиленовый пакет с логотипом соседней булочной. Вековые платаны и бронзовый всадник перед зданием администрации сопротивлялись шторму стойко, но пешеходы в подветренном направлении перемещались с большим ускорением.

– Это еще ничего, – с облегчением закрыв не пригодившуюся почтовую папку, сказала Танечка. – Представляю, что

сейчас делается в Новоросси... Ой!

– Вот именно! – страдальчески выдохнул Лешка. – А японцев-то повезли как раз в Новороссийск!

– Не приняв во внимание своевременно поступившее штормовое предупреждение, – задумчиво молвила завсекша и пристально посмотрела на Лешку.

Стало ясно, с какой формулировкой уволит провинившегося наш гневливый шеф. Заодно прояснилась и личность дежурного козла отпущения. Лешка, поднаторевший в дворцовых интригах, почуял, куда штормовой ветер дует, и поспешил перевести стрелки:

– Это Сэм предложил Новороссийск, я-то предлагал просто выгулять самураев по нашему Арбату!

У Лешкиной двоюродной сестрицы Мари как раз на Арбате сувенирная лавочка, а наш дорогой коллега всегда готов порадеть родному человечку. Редкая иностранная делегация, посетившая наш богоспасаемый град, убывает восвояси без полного комплекта фаянсовых статуэток казаков и казачек, декоративных макитр и подносов из лакированной лозы.

На ясное чело завсекши набежала тень. Сэм, он же Семен Кочерыжкин, – сын ее задушевной подруги из управления протоколом. Татьяна Петровна за тридцатилетним мальчуганом по-свойски приглядывает, так сказать, опекает кроху Маугли в административных джунглях. Смекнув, что Семен рискует угодить под раздачу, мудрая женщина отказалась от

мысли персонифицировать вину за содеянное и со вздохом сказала:

– Надеюсь, с японцами ничего плохого не случится, иначе Иван Ильич нам всем устроит!

– Что он нам устроит? – с боязливым интересом спросила Танечка, при одном упоминании имени грозного шефа непроизвольно вжимая голову в плечи.

– Харакири! – брякнула я.

Никто даже не улыбнулся.

С этими японцами с самого начала все было не слава богу. Во-первых, изначально они не значились в нашем деловом расписании, возникли на горизонте совершенно неожиданно и создали нам, мирным департаментским труженикам, массу проблем. Никаких рекламно– раздаточных материалов на японском у нас не имелось, а единственный в городе японист Гавриил Тверской-Хацумото совершенно по-русски ушел в глубокий запой. Рисовать иероглифы у нас никто не умел, да и осмыслить эти изящные каракули мы были не в силах.

Впрочем, это еще семечки. В день полуторжественного приема японских гостей вице-губернатором в скверике напротив здания администрации неожиданно появились пикетчики. Они выстроились свиньей, воздев на манер щитов фанерные плакаты с требованием снять к чертовой матери чем-то негодившего им прокурора. Любознательные японцы, увидев это классическое древнеримское построение в окошко, не преминули поинтересоваться, что, собствен-

но, происходит. Японист Тверской-Хацумото, принудительно выведенный из алкогольной нирваны с большим опережением срока и потому не вполне адекватный, брякнул, спасая ситуацию:

– Горожане сердечно приветствуют японскую делегацию!

После этого японцы совершенно растрогались и всей толпой поперли на балкон с ответным приветом добросердечным горожанам.

Балкон под совокупным весом двенадцати самураев не обвалился, чего я лично очень опасалась, но ничего хорошего из выдвижения общительных японцев на свежий воздух не вышло. Как на грех, у не угодившего народным массам прокурора была нехарактерная для наших мест наружность потомка Чингисхана, и все до единого японские делегаты имели большое сходство с прокурорскими портретами на плакатах пикетчиков. В самураев полетели ругательства и снежки, торжественный прием был испорчен, вице-губернатор едва не уволил нашего шефа, а тот устроил грандиозную нахлобучку всем нам. Вечер мы с Танечкой скоротали в гостинице «Москва» в компании абстенентного Гавриила Тверского-Хацумото, дюжины надутых японцев и одного иллюстрированного альбома «Живопись передвижников». Великолепное подарочное издание на плотной мелованной бумаге, в супертвердой обложке и вдобавок в сувенирной коробке из резного дерева весило с четверть пуда, зато его отдельные страницы более или менее убедительно доказыва-

ли, что бросание снежков и штурм ледяных крепостей суть не агрессивные расистские деяния, а традиционные русские забавы. Ликвидацией культурно-исторической безграмотности темных японских масс мы с Танечкой занимались до гостиничного отбоя, а с утра пораньше шефство над делегацией приняли Сэм и Алекс. И вот что из этого вышло...

– Позвони в Новороссийск и узнай, как там дела, – посоветовала я расстроенному Лешке.

– В центре Новороссийска произошел взрыв. На воздух взлетел автомобиль, припаркованный на набережной! – с готовностью подсказал радиокomentатор.

Я быстро выключила приемник, чтобы он не нагнетал панику.

– Новороссийск остался без света и связи. Я звонил на мобильники Сэму и Гавриле – они недоступны, – устало ответил коллега. – Наверное, наш автобус застрял в горах, в зоне недоступности.

– Можно, я скажу? – Танечка подняла руку, как дисциплинированная школьница. – Я видела, у японцев есть спутниковые телефоны! То есть у них, в отличие от Дениса и Гаврика, нет проблем со связью.

– Отлично! – горько сказал Лешка. – Значит, ничто не сможет помешать им позвонить на родину и ославить наш милый край на всю Страну восходящего солнца!

– Конфуз, – в меру сочувственно сказала я, не особенно переживая.

Я на поприще укрепления международных отношений работаю всего три месяца и еще не почувствовала своей неразрывной связи с департаментскими делами. Если честно, я вообще чувствую себя тут пятым колесом в санном поезде. На теплое местечко в департамент меня пристроил любящий дедушка – депутат Законодательного собрания края. А я, в отличие от дедушки, никогда не считала госслужбу наилучшим поприщем для применения своих талантов.

– Это не конфуз, Татьяна, это международный скандал! – веско поправил меня Алекс.

Мы немного помолчали, осмысливая масштабы бедствия. Я лично думала, что Лешка, по своему обыкновению, драматизирует ситуацию, но оставила эти мысли при себе. Поскольку я в департаменте без году неделя, мое видение ситуации частенько отличается от точки зрения старожилов. Как правило, мой взгляд грешит излишним оптимизмом.

– Японцев надо спасать, – заявила Татьяна Петровна.

– Надо, – незамедлительно согласился Лешка. – А как?

– Давайте позвоним спасателям, – робко предложила Танечка. – Пусть они эвакуируют японцев с перевала по воздуху.

– Вертолет в такую погоду не поднимут, – возразил Лешка.

В этот момент коммуникатор, забытый им на столе завсегдаши, дико взвыл, завибрировал, с поразительной живостью пополз по лакированной столешнице и бухнулся с нее вниз,

как бескрылый жук-самоубийца. Скарабей-камикадзе.

– Да, я слушаю! – вскричал Лешка, проворно выудив суицидальный мобильник из мусорной корзины.

Аппарат исторг из себя серию звуков, сложившихся в мелодичную, но непонятную фразу вроде «Хасю-масю сана-мана хо!».

– Хо, хо, – осторожно согласился Лешка. И озабоченно спросил на вполне убедительном псевдояпонском: – Хо-то э-то?

– Леха, твою дивизию, это я, Сэм! – на чистом русском взревел телефон. – Я одолжил спутниковый телефон у господина Хировато. Леха, атас, кирдык, хана нам!

– Сема знает японский? – шепотом спросила у меня впечатленная Танечка.

– Такой «японский» и я неплохо знаю, – пробормотала я, встревоженно прислушиваясь к разговору коллег.

– Нам хана! – продолжал орать самозванный «японист» Семен Кочерыжкин.

Куда только подевались безупречные манеры потомственного дипломата? Семино отменное воспитание в данной эмоциональной беседе никак себя не проявило.

– Мы застряли! Справа скала, слева пропасть, сверху и снизу снег, посередине – наш автобус, обычный «Икарус» без сортира и бойлера, и в нем двенадцать японцев, которые хотят есть, спать и писать в теплом помещении! – отчаянно голосил Сэм. – А с теплым помещением тоже напряг, потому

что через час у нас закончится бензин, через два часа стемнеет, за бортом минус восемь, температура продолжает падать, и к утру вы получите пятнадцать хладных трупов!

– Пятнадцать – это вместе с Семой, переводчиком и водителем Славой, – машинально подсчитала дотошная Татьяна Петровна.

– Семен драматизирует, – осмелилась предположить я.

– Хочешь это проверить? – огрызнулся Лешка.

Ставить такой опасный эксперимент никому не хотелось, и мы не знали, что делать. Старшей по званию в отсутствие начальника департамента, находящегося в служебной командировке в Китае, и начальника отдела Семена, застрявшего в заснеженных горах вкупе с невезучими японцами, осталась заведующая нашей секцией. Взгляды присутствующих устремились на Татьяну Петровну. Осознав всю ответственность, она сухо кашлянула, пристально посмотрела на пресс-папье в виде хрустального куба, и этот магический кристалл чудесным образом подсказал ей небанальный ход.

– Кто придумает, как спасти японцев, получит отпуск в августе! – объявила мудрая женщина.

– Полный отпуск? – не спеша верить в сказанное, уточнила я.

По рассказам наших департаментских старожилов, отпуск в августе – это небывалое счастье. В сентябре у нас в крае проводится серьезный международный форум, за организацию которого отвечает наша служба, так что за два месяца до

этого глобального мероприятия в департаменте объявляется всеобщая мобилизация. Мы переходим на осадное положение, а все отпуска и увольнительные отменяются как факт.

Поскольку я очень люблю отдыхать на море именно в последний летний месяц, страшные рассказы более опытных коллег о ежегодном «черном августе» мне очень не нравились. Я даже подумывала, не уволиться ли мне заранее, еще в июле. Конечно, я понимала, что это ужасно огорчит бабушку, но эгоистично полагала, что бабулино огорчение не идет ни в какое сравнение с моим собственным. Я же отсутствие летнего отпуска просто не переживу!

– Как же их спасти? – я задумалась и прислушалась к своему внутреннему голосу.

Точнее, к голосам. Их у меня два. Один принадлежит нахальной и дерзкой сущности по имени Тяпа, а второй – воплощению скромности и застенчивости Нюне. Сразу объясню, что это за чудо такое, чтобы никто не считал меня ненормальной.

В детстве я была тихой послушной малышкой, настоящей пай-девочкой, о какой мечтают все родители. Вот и мои тоже мечтали, и я не посмела обмануть их ожидания. Так в моей душе поселилась Нюня. Однако быть тихоней-недотрогой совсем не весело, поэтому втайне от папочки и мамочки я придумала себе подружку – отважную до дерзости авантюристку Тяпу. Со временем Нюня и Тяпа стали казаться мне такими же реальными, как благовоспитанному Малышу из

сказки Астрид Линдгрэн – его разбитной дружок Карлсон. Я научилась понимать, чего хочет каждая из них, и дипломатично учитывать желания обеих. А как же иначе? Каждая из них – это я, хотя Я больше, чем Тяпа плюс Нюня. Я Таня.

Обычно две мои половинки слиты воедино, но в критические моменты они разделяются, и тогда мы можем устроить военный совет. К таким внутренним конференциям я давно привыкла и нахожу их удобными и полезными.

Вот и на этот раз три головы сработали лучше, чем одна.

– Раздать японцам лыжи и пусть катятся! – с ходу предложила грубиянка Тяпа.

– Чтобы раздать японцам лыжи, нужно сначала доставить им эти лыжи, – с интонациями Шарика из мультика про Простоквашино возразила ей Нюня.

– Так почему бы их не доставить? – Тяпа, как обычно, заупрямилась. – Если в снегу застрял здоровенный неуклюжий автобус, это не значит, что там застрянет любой другой транспорт!

– Послушайте! – трепетная интеллектуалка Нюня мгновенно воодушевилась и с намеком вольно процитировала Пушкина: – Не пора ли в санки кобылку резвую запречь?

– Нет уж, жизнью кобылки мы рисковать не будем! – не согласилась с ней Тяпа. Она девица дерзкая и колючая, но животных любит. – Говоря о другом транспорте, я имела в виду главным образом бульдозеры, танки и вездеходы.

– Конечно, вездеходы! – обрадованно вскричала я. – Как

я сразу не сообразила! Надо позвонить Ларри!

– Кто такой Ларри? – закономерно заинтересовались мои коллеги.

– Ларри – это Илларион Мухачев, отец-основатель «Айрон Хорз».

– А что такое «Ай...»?

– «Айрон Хорз» – или «Стальной конь» – это клуб любителей джипинга!

– Джипинга? Кажется, это именно то, что надо! – неуверенно улыбнулся Лешка.

Глава 3

Георгий Бондарев по кличке Гиббон угрюмо пил водку и закусывал ее собственноручно порубленной селедкой. Глядя на то, что сделал с несчастной рыбиной свирепый Гиббон, Игорь Владимирович Коржиков преисполнялся все более дурных предчувствий. Внутренний голос подсказывал ему, что Жора сожрет его, как ту селедку, и даже косточки не выплюнет. Пять лет работы в легальном бизнесе визуально сделали из Гиббона человека, но под сшитым на заказ модным костюмом и сорочкой ручной работы скрывалось все то же дикое волосатое существо, не дотягивающее до Хомо Сапиенс по целому ряду принципиальных позиций. Совокупная длина мозговых извилин Гиббона была гораздо меньше, чем самая короткая из ветвей родословного дерева потомственного интеллигента Коржикова. Тем не менее главным в тандеме был именно Жора. Грубая сила в очередной раз восторжествовала над тонким интеллектом.

– Пять кило рыжья! – горестно стонал Гиббон, роняя изо рта колечки репчатого лука попеременно с совершенно непечатными ругательствами, из коих примерно треть была адресована Игорю Владимировичу, а остальное – неизвестным грабителям.

– Жора, зачем так убиваться? – осмелился высказаться Коржиков. – Ведь банк-страховщик покроет наши убытки!

Гиббон предостерегающе, как светофор, полыхнул налитым кровью глазом и в краткой, но доходчивой форме сообщил, что он сделает со страховщиком, а затем выразил горячее желание осуществить ту же самую сексуально-принудительную процедуру с грабителями и ментами. Игорь Владимирович тихо порадовался, что Жорина всеядность не распространилась на него лично.

– Ты почему не пьешь? Пей! – потребовал Жора.

– Я не могу, у меня травма, – напомнил Игорь Владимирович, ладонью мягко прикоснувшись к своему животу и болезненно поморщившись.

– Травма у него! – фыркнул Гиббон, опрокинув стакан. – Ты козел. У тебя сопливый гопник чемодан с цацками дернул, а ты его, падлу, даже не срисовал!

– Я его запомнил! – возразил Коржиков, не нуждающийся в синхронном переводе с блатной фени. – Сколько раз рассказывать? Парень лет семнадцати, высокий, сутулый, в мешковатых штанах в крупную клетку и куртке с капюшоном...

– Сгорел синим пламенем! – перебил его Жора. – Пуфф! Ба-бах!

Он широко взмахнул руками, показывая пуф и бабах, и отправил в нокаут блюдо с селедкой. Игорь Владимирович вздохнул. Благодаря контактам с местной милицией компаньоны уже знали, что полугрузовой автомобиль «Бычок» производства Волжского автозавода, угнанный поут-

ру с неохраняемой стоянки у продовольственной базы «Коровушка», через пятнадцать минут после ограбления ювелирного магазина взорвался на тихой улочке у морвокзала. На водительском месте в сгоревшем автомобиле находился мужчина, от которого мало что осталось, но судмедэксперт уверенно заявил, что погибший был молодым, высоким и сутулым.

– Игореша! – протянул Гиббон таким тоном, которым умные и бесконечно терпеливые взрослые разговаривают с невыносимо тупыми и упрямыми детьми. – Надо ж соображать! Дурень с битой был простым исполнителем, а за ним стоял кто-то поумнее. Этот умник подельничка своего убрал и золотишко унес. Да ты че, сразу не понял, что их двое было? Когда эти козлы пошли на дело, за баранкой был не сопляк в клеточку, а кто-то другой!

– Извини, но как раз этого другого я не видел! – умеренно рассердился Игорь Владимирович.

– Его никто не видел, – сокрушенно вздохнул Жора и вылил в свой стакан остатки водки. – Идеальное, блин, ограбление!

Коржиков опять хотел напомнить, что для них-то в принципе ничего страшного не случилось, если милиция не найдет чемодан с золотом – банк выплатит пострадавшей фирме страховку. Однако, взглянув на мрачное лицо компаньона, он предпочел промолчать. На низком челе Гиббона так же отчетливо, как на трансформаторной будке, читалось гроз-

ное предостережение: «Не влезай, убьет!» Игорь Владимирович предпочитал, чтобы убивали других, с него лично хватило и обширной гематомы в районе брюшины.

– Найду гада – башку откручу! – пообещал Жора и хрястнул об пол пустой стакан.

– Сам зайдешь или с милицией? – осмелился спросить Коржиков, когда отзвенели осколки.

– Ха, с милицией! – Гиббон презрительно фыркнул, давая понять, что ни в грош не ставит службу охраны правопорядка.

И то сказать, один факт, что сам Жора пребывал на свободе, указанную службу изрядно компроментировал.

– Бабок отсыплю – найдется, кому найти!

Бабки были частично отсыпаны, частично обещаны отнюдь не в милицейские закрома.

К вечеру того же дня доблестная милиция установила личность погибшего юнца в клетчатых штанах и занялась его дружками-приятелями. К середине бурной ночи всплыла информация о залетном парне по прозвищу Чукча. Кто-то из тех, кто видел его в обществе погибшего студента, дал краткое описание внешности подозреваемого: «Глаза раскосые, лицо желтое, круглое, волосы черные щеткой. Натуральный чукча!»

Предпринятые милицией поиски натурального чукчи успехом не увенчались. Каким образом человек с типичной наружностью потомственного оленевода сумел затеряться в

южном городе, надолго осталось волнующей загадкой.

Глава 4

С Илларионом Мухачевым мы выросли в одном дворе и, сколько я его помню, Ларик никогда не ходил пешком. Едва выбравшись из детской коляски, он пересел на велосипед, которому оставался верен долгие годы – кратковременные изменения с роликовыми коньками и скейтбордом не в счет, ведь они тоже являлись колесным транспортом. В восемнадцать лет Ларик получил водительские права и обзавелся сначала мотоциклом, а потом и автомобилем. При этом от велосипедов, включая самый первый, трехколесный, он не избавился, а в дальнейшем без усталости увеличивал число своих колесниц и к двадцати пяти годам стал обладателем целой коллекции экипажей разной степени потрепанности. В данный момент исправных автомобилей у Ларика три: новая «Ауди» для представительских целей, латаная «шестерка» для повседневного пользования и брутального вида «газон» для занятий триалом. Экстремальную езду по сильно пересеченной местности Ларик считает кратчайшим путем к достижению морально-нравственных высот и блаженства духа.

Не знаю, как насчет духовного, но никакого телесного блаженства от занятий триалом уж точно ждать не следует. Я это в полной мере поняла, прокатившись в компании друга детства по ухабистой обочине обледенелого горного серпантина.

С риском для своей и моей жизни обходя километровую пробку по краю пропасти, сорвиголова Мухачев радостно хохотал, обзывал меня трусливой маменькиной дочкой и для пущего моего «удовольствия» пускал крупные камни под колесо. Крепко зажмурившись и так же крепко стиснув челюсти, я летала по салону «газика» от стенки к стенке, как контуженная муха, получала синяки и мысленно проклинала Тяпу, Нюню и саму себя за фантазию – во-первых, и за болтливость – во-вторых. Кто меня тянул за язык? Зачем вообще надо было упоминать о приятеле – чемпионе гонок по бездорожью?

– Татьяна, если вы с этим отважным юношей вызволите из снежной ловушки наших японских гостей, я ответственно обещаю тебе все возможные бонусы! – заявила Татьяна Петровна, и я, как дуручка, тут же позвонила Ларику.

Он, разумеется, с радостью ухватился за возможность экпрокатиться по заснеженным горным перевалам, бросил все дела и примчался за мной на своем стальном коне прямо к зданию администрации. Усаживаясь в битый жизнью военно-полевой «газон» под брезгливыми взглядами охранников и сочувственными взорами коллег по работе (Танечка, добрая душа, даже всплакнула и прощально помахала мне из окошка беленьким платочком), я остро ощущала несоответствие автомобиля общей картине и чувствовала себя крайне неловко. Однако эта неловкость не шла ни в какое сравнение с теми незабываемыми по остроте ощущениями, которые я

пережила в дороге.

– Не бойсь, Танек, прорвемся! – подбадривал Ларик, в объезд бесконечной фуры проносясь на двух правых колесах по осыпающемуся ледяному карнизу.

– Не дрейфь, малявка! – орал он, когда мы в обход застопорившегося каравана пробились на снежную целину и увязли в глубоком сугробе.

С учетом того, что я в тот момент как Геркулес толкала машину, называть меня малявкой было по меньшей мере неучтиво.

– Не кисни, детка! – весело скалился любитель опасных приключений, когда я, мокрая и злая, сквозь стук и скрежет зубовный откровенно материла оптом себя, Ларика, коллег, японцев и ученых, бессовестно врущих о глобальном потеплении.

На землю, явно переживающую начало нового ледникового периода, пала ночь. Затежливо петляющая дорога, покрытая девственно чистым снегом, окончательно слилась с белыми горами. Мой бедовый приятель рулил по отфонарному принципу «наобум Лазаря», и я в преддверии райских врат уже начала каяться перед всевышним во всех своих прегрешениях, когда Ларик неожиданно прервал это душеспасительное занятие деловитым вопросом:

– Это не наш автобус?

Я спешно разлепила молитвенно склеенные ладошки, приставила одну из них козырьком ко лбу и напряженно

всмотрелась в сумрачную даль. Добрый Ларик в помощь вперёдсмотрящему врубил дальний свет, и мне удалось разглядеть квадратную красную морду «Икаруса». Снизу он до середины колес утонул в сугробе, сверху его до самых окон замело снегом. В результате автобус здорово напоминал слоеный пирог с чрезмерно большим количеством взбитых сливок, но приступа аппетита эта картина у меня не вызвала. Окна «Икаруса» были темными, и я испугалась, что мы с Лариком прибыли на вечер экстремальной русско-японской встречи слишком поздно.

– Вываливайся, а я развернусь, – велел Ларик.

Я послушно вылезла из машины и, пока «газик» с ревом маневрировал на дороге, становясь к «Икарусу» задом, а к далекому городу передом, я подбежала к автобусу и нетерпеливо постучала ладошкой по холодному боку автобуса. Как живые, виделись мне мертвые японцы, трагически полегшие заодно с ними русские ребята Семен и водитель Славик, а также гибридный русско-японский парень Гавриил Тверской-Хацумото.

«Пу-ф-ф!» – отъезжая в сторону, устало выдохнула дверь.

– Есть кто живой?! – срывающимся от волнения голосом крикнула я и полезла вверх по ступенькам.

В салоне было душно, дымно и темно, и я не сразу поняла, кто это валится на меня подрубленной сосенкой со скрипучим стоном:

– Й-эх! А вот и голубь прилетел!

К моему белому болоньевому плечу прижалась взлохмаченная голова, талию стиснули крепкие мужские руки. Я поняла, что поспешила похоронить пассажиров «Икаруса». Кто как, а Сема Кочерыжкин уж точно был жив и полон сил и желаний.

– Ты что, Сэм? Какая я тебе голубка? – спросила я, ловко уходя из захвата.

– Белая! Белая голубка, несущая в своем клювике благую весть всему нашему маленькому филиалу Ноева ковчега! – растроганно всхлипнул он, опасно кренясь в надежде воссоединить свою небритую щеку с моим скользким плечом.

Попытка не удалась, Сэм шумно рухнул в проход и уже оттуда глухо, но с чувством воззвал:

– Даешь спасение каждой твари по паре!

Быстро оглядев поверх распростертого тела коллеги салон автобуса, я поняла, что парные твари упомянуты им не зря. Во-первых, пассажиры действительно сгруппировались по два и жались друг к другу, как озябшие котята, хотя свободных мест в автобусе хватало на всех с лихвой. Во-вторых, дальнего конца салона я не видела, он терялся в кромешной мгле, но в ближайших ко мне креслах сидели типы, облик которых был весьма далек от человеческого. Пьяный в дым японист Гавриил Тверской-Хацумото демонстрировал редкий случай коматоза с открытыми глазами, коими он еще и вращал с пугающей медлительностью и полным отсутствием синхронизации. Рядом с ним обезножившим Илюшей Му-

ромцем застыл незнакомый мне молодой человек ярко выраженного среднерусского типажа – голубоглазый блондин с аккуратной рыжеватой бородкой и такими же усами. Окрас кожных покровов русского богатыря удивительно гармонировал с цветом его глаз, так как молодой человек крепко стиснул в кулаке мобильник, излучающий призрачный свет, и тупо смотрелся в голубой экранчик, как в зеркальце. Если не считать приобретенной в результате страшной синевы, физиономия его была вполне симпатичной, и на ней прочно установилось выражение безмятежного спокойствия. Мое неожиданное появление никакого впечатления на медитирующего бородача не произвело.

Зато при виде меня сильно оживились наши японские друзья. Они вразнобой заголосили на родном наречье (в бурном речевом потоке я относительно уверенно распознала только победный клич «Банзай!»), повыпрыгивали из кресел и ринулись вперед. Я малость оробела, вообразив, что все они по примеру Сэма бегут со мной обниматься, но мелкорослые японцы один за другим шустро прошмыгнули к выходу из автобуса. Высокая скорость перемещения и ловкость, с которой они лавировали в обход меня и павшего Сэма, говорили о том, что потомки самураев, в отличие от русских богатырей, абсолютно трезвы. Значит, наши парни в полном соответствии с национальной традицией соображали на троих.

Я с тяжким подозрением посмотрела на синелицевого Му-

ромца, заглянула в пустую кабинку водителя и сокрушенно вздохнула. Судя по всему, собутыльником Сэма и Гаврилы стал водитель «Икаруса». Это обстоятельство сводило и без того малые шансы выволить автобус из снежного плена к абсолютному нулю. Зато теперь я знала, что бородача зовут Славиком.

В открытую дверь автобуса ветром задувало снег. Вместе с ним извне донесся тоскливый хоровой стон: очевидно, японцы обнаружили, что долгожданную спасательную экспедицию единолично представляет Ларри на своем боевом «газоне».

Переступив через постанывающего Сэма, на черном кашемировом пальто которого отчетливо отпечатался след маломерного самурайского сапога, я вышла из автобуса. Белая завеса немного поредела, но Ларика, проторчавшего под открытым небом пару минут, уже изрядно припорошило снежком. В окружении японцев, среди которых не было ни одного выше ста шестидесяти сантиметров, он смотрелся как Белоснежка в хороводе с гномами. Сходство со сказочными существами усугубляли развевающиеся красные занавески, которые изобретательные и практичные японцы в борьбе с переохлаждением сняли с окон «Икаруса» и использовали как плащи и накидки.

– Многовато их, – с сожалением пробормотала я, имея в виду не занавески, конечно, а самих японцев.

В команде гномов был явный перебор. Ларика, однако,

это не смутило.

– Ну что, Танюха, начнем прорыв блокады? – весело крикнул он мне через головы самураев. – Ребята мелкие, загрузим по шесть штук за раз, в два приема я всех вывезу.

– Там еще трое наших, – я кивнула в сторону «Икаруса». – Они крупнее японцев.

– Тогда в три приема, – не затруднился с решением Ларри. – Как будем комплектовать группы? По национальному признаку или вразнобой?

Подумав немного, я решила, что правильная пропорция будет такая: один наш на четырех японцев.

– Нормальная квота, – согласился Ларик и тут же начал утрамбовывать на заднее сиденье эвакуационного «газика» первую четверку самураев.

С учетом того, что Ларри должен был оставить их на произвол судьбы в первом же доступном населенном пункте, я сочла правильным дать в сопровождение иностранцам кого-нибудь русскоязычного. Быстро оживить Тверского-Хатумото не получилось, поэтому мы с Лариком выволокли его на свежий воздух и оставили протрезвляться в сугробе, а на переднее сиденье «газона» пристроили вялого Сэма.

– Откроем парню окошко, авось ветерок его взбодрит, – сказал неунывающий Ларри, обегая машину, чтобы сесть за руль.

Я уже знала, что его манера вождения взбодрит (если только не убьет!) кого угодно, и благосклонным кивком да-

ла старт пыхтящему «газону». Машина рванула с места в карьер с резвостью, впечатлившей оставшихся японцев. Они встревоженно загомонили, часто цокая языками, и я слегка отстраненно подумала, что сформировать вторую четверку любителей экстремального катания будет, наверное, просто. На добровольных началах, я имею в виду. Однако волноваться об этом стоило только в том случае, если лихой гонщик Ларик благополучно вернется из первого рейса.

Он вернулся, и довольно быстро, где-то через час. К этому времени Гавриил Тверской– Хацумото по собственному почину и без посторонней помощи перешел из лежачего положения в сидячее, но все еще был безмолвен и не реагировал на внешние раздражители. Он высился в сугробе, как снежная статуя Будды, и скучающие в ожидании дальнейшего развития событий японцы взирали на него с подобающим почтением.

– Со стороны города на дорогу пустили бульдозеры! Часиков через пять-шесть, если снова не заснежит, колонна сможет тронуться, – отрапортовал Ларик. – Я высадил ребят у автопоезда дорожников, оттуда они уже как-нибудь доберутся. Ну, кто следующий?

Вопреки моим опасениям, японцы с готовностью полезли в «газон». Им так сильно хотелось уехать, что нам удалось запихнуть на задний диванчик аж пять пассажиров. Впереди с деятельной помощью Ларика воссел Тверской– Хацумото. Переводчик уже мог шевелить конечностями и вращать го-

ловой, однако при взгляде на него сами собой вспоминались слова-исключения: стеклянный, оловянный, деревянный.

Отважный герой триала умчался в ночь, прочь, а мы с оставшимися на моем попечении иностранцами в количестве трех человек вернулись в автобус. Славик по-прежнему гипнотизировал экранчик мобильного, который уже не светился – видимо, намертво разрядился. Японцы все вместе, как синички на ветке, уселись на заднее сиденье, а я собрала невостребованные занавески и с их помощью свила себе более или менее уютное гнездо в пустующей кабинке водителя.

Сквозь просторное лобовое стекло открывался великолепный вид на полупетлю дороги, величественные горные склоны и скалистый обрыв. Все вместе выглядело очень красиво и столь же пугающе. По мере того как время шло, а Ларик все не появлялся, страх в моей душе рос и вытеснял чувство прекрасного. К тому моменту, когда половицкая пляска редких снежинок вновь превратилась в хаотичную дискотечную круговерть, я окончательно пала духом. Рассеянное сияние фар автомобиля, медленно ползущего сквозь метель, показалось мне спасительным светом в конце туннеля. Пугаясь в занавесках, я выскочила из автобуса и порывисто бросилась на шею усталому Ларику.

– Дорогу совсем завалило, на Краснодар даже мне не пройти! – сообщил старый друг, резким движением стряхнув с себя снег и меня заодно. – Я на развилке ушел вправо и сбросил вторую группу в Джубге. Твои парни сидят в буфете

на автовокзале, тамошние девочки дали им кофе.

Я быстренько припомнила местную географию. Джубга – маленький поселок, вблизи которого автотрасса скатывается с гор и выходит к морю. От Джубги километров двадцать дорога вьется по побережью, а затем вновь поднимается в горы. В принципе от Джубги можно добраться до Туапсе, где есть железнодорожная станция, там сесть на поезд и уже на нем уехать в Краснодар... Крюк, конечно, добрый, и затраты немалые, но денег мне хватит, у меня с собой почти двадцать тысяч – обеспокоенные коллеги не скупясь скинулись на благое дело.

– Живо все в машину, – озабоченно скомандовал Ларик, оборвав мои думы. – Снеговерьт такая, что можем увязнуть на полпути до развилки. Едем в Джубгу, другого варианта нет.

Сообразив, что каждая секунда промедления уменьшает наши шансы, я подняла придремавших в «Икарусе» японцев истошным криком: «Геть, геть, живо, пошли!» – и выгнала их из автобуса, как гусей. Чтобы пробудить Славика, пришлось его нещадно трясти.

– Т-т-т-ты к-к-кто? – стуча зубами, спросил бородач, когда мне удалось привести его в чувство.

– Слава богу, очухался, Мертвый Царевич! – сердито выдохнула я. – Я уж думала, придется целовать!

– Не возражаю! – изрек Славик.

Он закрыл глаза, вытянул губы трубочкой и загодя издал

долгий чмокающий звук.

– Я тя щас как поцелую! – люто вызверилась на блаженного моя Тяпа. – А ну, пошел отсюда! Ноги в руки и вперед, на погрузку в спасательный транспорт!

Бородач кротко моргнул, втянул нецелованные губы обратно и послушно затеялся совмещать верхние конечности с нижними. Не дождавшись завершения этого многотрудного процесса, я вывалилась из автобуса наружу и оттуда еще раз гавкнула:

– Славик, живо выходи, а не то останешься тут один, как полярник на зимовке!

– Я останусь! – эхом отозвался он из глубины темного салона.

Перед моим носом с шорохом закрылась автобусная дверь.

– Как – останешься? – опешила я.

– Как капитан на мостике тонущего судна! – торжественно и печально возвестил невидимый герой.

Я обогнула выступ квадратной морды автобуса, встала прямо перед ним и подняла взгляд. Славик, очень живописный в слегка коротковатом ему красном богатырском плаще из занавески, плавно помавая руками, размеренно и скорбно затянул бессмертную песнь про героический крейсер «Варяг»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.